

ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА

Ташкентской области города Бекабад

Учительница русского языка и литературы школы №18

Бабаева Гулжахон

Аннотация. В статье рассматриваются представления о творчестве А. С. Пушкина в русской литературе и поэтические подходы в его произведениях.

Ключевые слова: поэтические произведения, рассказы, творческая деятельность.

Наряду с системным исследованием проблемы «Пушкин и XVIII век» (см., например, обобщающую монографию, существует несколько работ, посвященных отдельным вопросам отношений русской литературы XVIII века и творчества Пушкина, в частности, последнее время возрос интерес и к теме «М.Муравьев и Пушкин» – появились попытки комплексно подойти к решению данной проблемы (обзор научной литературы по теме см. При этом мы можем говорить лишь о точечной изученности в произведениях А.С.Пушкина следов творчества одного из ближайших друзей М.Н.Муравьева, Н.А.Львова. Наиболее исследованным и научно обоснованным является обращение Пушкина к поэме Львова «Добрыня» (см. литературу по вопросу в: [Старк 2001; Лебедева 2008]). Далее мы тезисно определим круг вопросов, решение которых необходимо для полного понимания роли львовской поэмы для творчества Пушкина. Пушкин впервые ознакомился с «Добрыней» еще в Лицее и обращался к ней в ходе работы над «Русланом и Людмилой» [Кошелев 2001: 344]. Однако мнение, например, Ю.В.Стенника о «Руслане и Людмиле» как произведении «противостоящем» предшествующей традиции предромантической поэмы [Стенник 1995: 101-103] в данном конкретном

случае следует несколько скорректировать: поэма Львова по ряду характеристик скорее предугадывает важные особенности поэтики «Руслана и Людмилы», а не находится в полной оппозиции к пушкинскому творению.¹ Так, сходна в обоих произведениях цементирующая текст авторская инстанция – она представлена рядом масок иронического модуса. Если у Пушкина «главная роль в ироническом подтексте «Руслана и Людмилы» принадлежит рассказчику» [Стенник 1995: 101] и «постоянное присутствие личности рассказчика в самом повествовании разрушает иллюзию атмосферы прошлого» [Стенник 1995: 101-102], то в «Добрыне» мы видим того же внутритекстового автора, наделенного «особыми полномочиями» – масками ироничного и самоироничного плана (о масках Львова и особенно маске «простака» см., к примеру: [Западов 1989]). Как и пушкинский повествователь, играет с читателем и львовский рассказчик, и, что важно, он также заявлен как современник читателя, важный элемент оппозиции «нынешнее – былое». Оппозиция эта, в свою очередь являющаяся составляющей оппозиции «чужое – свое», во многом определяет и идеологический каркас «Добрыни». В этой же связи предстает другой весьма важный элемент идеологической базы поэмы Львова – выбор собственно главного героя произведения. Для автора важно, чтобы он был «чисто русским»: «Нет, такого мне дайте витязя, // Как в чудесный век Володимира // Был принизистый сын Ременников, // Как Полкан бывал, иль как Лазарич» [Львов 1994: 196]. Последний из перечисленных героев старины здесь Еруслан Лазаревич, главный герой одной из лубочных повестей, язык которой «широко использует выражения, свойственные русской народной поэзии и древнерусской художественной словесности. Всем этим, вероятно, полюбился Еруслан Пушкину, сделавшему его героем своей знаменитой сказочной эпопеи. Эти же аргументы позволяют Львову ввести его в состав традиционно русских героев». В отличие от Бовы-королевича, являющегося героем явно заимствованного европейского сюжета, Еруслан гораздо более приближен к русскому фольклору – возможно, переход Пушкина

от идеи создания поэмы о Бове к идее «Руслана и Людмилы» частично обусловлен и доводами Львова о необходимости привнесения «русскости» в литературу. Уже на зрелом этапе творчества, Пушкин использовал творческую находку Львова в III главе «Евгения Онегина» и напрямую, хотя и в слегка искаженной форме, процитировал строку из львовской поэмы в черновике «Путешествия в Арзрум» (данный вопрос представляется наиболее исследованным в научной литературе: [Старк 2001; Кошелев 2001; Лебедева 2008] и др.). При этом, вполне определенную «плотность» обращения Пушкина к поэме Львова мы можем наметить в самом конце 1820-х – начале 1830-х годов. Именно тогда, с одной стороны, Пушкин употребляет цитату из Львова, с другой – следует традициям львовской поэтики в «Путешествии Онегина» [Пашкуров 2010, 1], с третьей – вступает в своих сказках в заочный диалог с решением Львовым «национального вопроса» в литературе. Примечательно, что в двух первых, хронологически более ранних, случаях, обращения Пушкина к «Добрыне» оказываются в одной связке с одой Г.Р.Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», следы которой явственно обнаруживаются в обоих пушкинских творениях (ср.: [Татищева 1965, 14]). Ода эта впервые была напечатана в журнале «Друг просвещения», № 9 за 1804 год (стр.187-191). В этом же номере, на соседних страницах, также впервые, но уже после смерти автора, была опубликована и львовская поэма (на стр.196-207). Пушкин мог ознакомиться с «Добрыней» прочитав поэму либо в этом журнале, либо в одном из ее списков (наиболее полный на сегодняшний день их перечень см.: [ЛаппоДанилевский 2012: 272]). Мы можем говорить о вполне определенной взаимной ассоциативной актуализации в творческом сознании Пушкина державинского и львовского текстов, образовании единого семантического пространства, один элемент которого обуславливал появление другого. Однако данный вопрос требует дальнейшего изучения в направлении установления источника ознакомления Пушкина с «Добрыней» – ода Державина вполне могла оказаться на соседних с поэмой страницах не только в

«Друге просвещения», но и в альбоме/тетради одного из знакомых поэта. Одним из хронологически завершающих «цикл» возможных обращений Пушкина к «Добрыне» является осмысление им личности и творчества Ломоносова в «Путешествии из Москвы в Петербург». Говоря, что «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II, он один является самобытным сподвижником просвещения» [Пушкин 1937-1959, XI: 249], – Пушкин, тем не менее, весьма негативно оценивает поэтическое творчество «Первого университета»: «В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты, и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности, вот следы, оставленные Ломоносовым» [Пушкин 1937-1959, XI: 249]. Между тем, Пушкин в данном случае имеет прямого предшественника в лице Львова. Львов в «Добрыне» также, с одной стороны, говорит о Ломоносове как великой исторической личности: «Правда, был у нас сын усилия, // Он и трудности пересиливал // Дарованием сверхъестественным, // Легким дельвал невозможное // Властью русского славословия» [Львов 1994: 197], с другой же, уже по-сумароковски, адресует ему жесткую инвективу с разбором неудачных мест его сочинений [Львов 1994: 197-198] (анализ «двух правд» о Ломоносове в «Добрыне» см. подробно: [Абрамзон 2011: 142-150]). Примечательно, что и Львов, и Пушкин видят одним из главных недостатков поэзии Ломоносова отсутствие национального начала – творчество обоих писателей во многом определялось как раз стремлением выразить его в своих произведениях и перестроить русскую литературу: у Львова – в большей степени на формальном уровне, у Пушкина – на содержательном.

Использованная литература:

1. Абрамзон Т.Е. «Ломоносовский текст» русской культуры: Избранные страницы. – М., 2011.

2. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – М., 2000.
3. Западов В.А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сборник 16. – Л., 1989. – С. 56–75.
4. Khakimov, S. R., & Sharopov, B. K. (2023). Educational Quality Improvement Events Based on Exhibition Materials in Practical Training Lessons. *American Journal of Language, Literacy and Learning in STEM Education*, 1(2), 5-10.
5. Yuvmitov, A., & Hakimov, S. R. (2021). Influence of seismic isolation on the stress-strain state of buildings. *Acta of Turin Polytechnic University in Tashkent*, 11(1), 71-79.
6. Шаропов, Б. Х., Хакимов, С. Р., & Рахимова, С. (2021). Оптимизация режимов гелиотеплохимической обработки золоцементных композиций. *Матрица научного познания*, (12-1), 115-123.
7. ЮВМИТОВ, А. С., & ХАКИМОВ, С. Р. (2020). ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ СЕЙСМОИЗОЛЯЦИИ НА ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗДАНИЯ. *Acta of Turin Polytechnic University in Tashkent*, 10(2), 14.
8. Hakimov, S., & Dadaxanov, F. (2022). STATE OF HEAT CONDUCTIVITY OF WALLS OF RESIDENTIAL BUILDINGS. *Science and innovation*, 1(C7), 223-226.
9. Yuldashev, S., & Hakimov, S. (2022). ТЕМИР ЙЎЛ ТРАНСПОРТИДАН КЕЛИБ ЧИҚАДИГАН ТЕБРАНИШЛАР ХАҚИДА. *Science and innovation*, 1(A5), 376-379
10. Хакимов, С. (2022). АКТИВ ВА ПАССИВ СЕЙСМИК УСУЛЛАРИ ҲАМДА УЛАРНИНГ АСОСИЙ ВАЗИФАЛАРИ. *Journal of Integrated Education and Research*, 1(2), 30-36.
11. Khamidov, A. I., & Khakimov, S. (2023). Study of the Properties of Concrete Based on Non-Fired Alkaline Binders. *European Journal of Geography, Regional Planning and Development*, 1(1), 33-39.
12. Khamidov, A., & Khakimov, S. (2023). MOISTURE LOSS FROM FRESHLY LAID CONCRETE DEPENDING ON THE TEMPERATURE AND HUMIDITY OF THE ENVIRONMENT. *Science and innovation*, 2(A4), 274-279.